

О.В. Будницкий

«Великая война» и «русские деньги» в Японии

Последствия Первой мировой войны, одним из которых стало крушение Российской империи, имели и своё финансовое «измерение». Переход от «войны империалистической к войне гражданской» в Сибири и на Дальнем Востоке был отмечен затянувшейся почти на десятилетие и близкой к жанру детектива коллизией, в которой тесно переплелись внутри- и внешнеполитические вопросы послевоенного устройства мира, несбывшиеся надежды белых на эффективную помощь союзников, а также личные интересы фигурантов дела под названием «русские деньги» в Японии.

С первых дней своего существования и Всероссийское (Директория), и вскоре сменившее его Российское (колчаковское) правительства были озабочены поисками денег. Надежды по помощи союзников оправдывались медленно и не в полном объеме, а о предоставлении свободной наличности и говорить не приходилось. Затруднительно было прибегнуть и к традиционному, самому легкому способу получения денег – их печатанию, ибо «печатный станок» (Экспедиция заготовления государственных бумаг) находился в руках большевиков. Различные денежные суррогаты, в изобилии выпускавшиеся местными правительствами, невозможно было (во всяком случае, в крупных масштабах) обменять на иностранную валюту, в которой столь остро нуждались белые.

Оставалась надежда на остатки кредитов в зарубежных банках. 19 ноября 1918 года министр финансов Омского правительства И.А. Михайлов разослал циркулярную телеграмму российским представителям в Вашингтоне, Лондоне, Токио, Париже и Риме, в которой «покорнейше просил» «сообщить о всех неиспользованных кредитах, имеющихся <в> распоряжении посольств и финансовых агентов, какими условиями ограничено пользование ими, также <на> каких основаниях могло бы Всероссийское Правительство их

использовать. Для улучшения финансового положения желательно получение свободных остатков иностранной валюты, если таковые имеются»¹.

Ответы были обескураживающими. Российские средства и имущество в Англии и во Франции были секвестрованы, в Италии таких не оказалось, да и общие объемы заимствований были незначительны. Не лучше обстояло дело и в Японии, хотя там правительство ничего секвестру не подвергло.

«[В] распоряжении Посольства в Токио, а равно торгового агента никаких кредитов, кроме служебных, не состояло, - информировал посол в Токио В.Н. Крупенский. – После большевистского переворота в здешнем Йокогама Спешу Банке осталось на счету Кредитной канцелярии около пятидесяти миллионов иен остатков от займов в Японии, не подлежащих переводу за границу. До формального признания правопреемственного Русского Правительства Японией эти деньги являются неприкосновенными.

По своим размерам, однако, указанная сумма далеко не соответствует нашим долговым обязательствам здесь, достигающим вместе с процентами почти трехсот миллионов иен. Таким образом, во всяком случае, нельзя рассчитывать, чтобы означенный счет мог быть использован нами иначе, как на частичное погашение наших долгов в Японии»².

Хотя долги России Японии были сравнительно невелики и никаких специальных мер в отношении счетов российских учреждений японское правительство не предпринимало (в отношении имущества никаких проблем не возникло хотя бы вследствие его отсутствия; ввиду территориальной близости Японии все закупленное в период мировой войны было своевременно вывезено во Владивосток), торговый агент К.К. Миллер не советовал Михайлову открывать в Японии счета Кредитной канцелярии, порекомендовав министру переводить деньги «в каждом отдельном случае на имя подлежащих лиц с текущего счета, открытого во Владивостоке»³. В общем, береженого Бог бережет.

Ситуация на финансовом рынке Владивостока была уникальной для России, что создавало, с одной стороны, сложности, с другой – определенные возможности для маневра. Российское императорское правительство было против допущения иностранных банков на внутренний рынок. Ввиду особых отношений между Россией и Францией (главным кредитором России до начала мировой войны) исключение было сделано лишь для «Лионского кредита», и в декабре 1916 года – для National City Bank of New York. Мотивы

последнего решения тоже были вполне понятны – российское правительство стремилось получить доступ к американским кредитным ресурсам. Во Владивостоке же в течение нескольких месяцев 1918 года появилось, разумеется, без санкции российских властей (точнее, в обстановке безвластия) семь отделений «самых могущественных банков в мире»: японских - Iokogama Specie Bank и Matsuda Bank (филиал Chosen Bank), английских - Hong-Kong and Shanghai Banking Corp. и Royal Bank of Canada (последний вскоре закрыл свое отделение), французских - Banque de l'Indo-Chine и Banque Industrielle de Chine и американского National City Bank of New York⁴.

Однако, в конечном счете, по мнению директора Иностранного отделения Кредитной канцелярии Министерства финансов правительства Колчака А.А. Никольского, «самая множественность иностранных банков создавала их слабость, а не силу. Разделенные национальными различиями, противоположными интересами и взаимной конкуренцией, они работали друг против друга и играли нам в руку»⁵. Продать золото было нелегко, ибо союзники не хотели разрешать своим банкам операции с непризнанным правительством. Но затем они стали смотреть на вещи проще.

Переговоры поначалу шли медленно и трудно. Лишь через месяц после прибытия во Владивосток Никольский смог сообщить Михайлову о некотором прогрессе:

«Французские банки сообщили правлениям. [В] Париже считают условия денежного рынка [в] настоящее время не позволяют имобилизацию больших банковских капиталов сравнительно долгое время. Индо-Китайский не может принять участие предположенной операции. Китайский Индустриальный предлагает купить до двух тысяч килограмм золота выдача долларами».

Михайлов наложил собственноручную резолюцию: «Срочно поручить Никольскому продать 2 тысячи кило на доллары»⁶.

В начале мая Никольскому, согласно его воспоминаниям, удалось продать 125 пудов золота Banque Industrielle de Chine за восемь миллионов франков. «Условия были не блестящи, - признавал сам продавец, - но чрезвычайно важно было создать “прецедент”». Продажа была расценена в Министерстве финансов как успех, и министр поздравил Никольского по прямому проводу с «победой»⁷.

«Победа» была, конечно, сомнительного свойства. Финансисты испытывали явный дискомфорт, прибегая к такой мере, как продажа золотого запаса. Товарищ министра финансов Омского правительства Н.Н. Кармазинский, запрашивая смету на содержание

заграничного представительства в связи с тем, что продажи золота становились вполне реальным делом, писал: «Конечно, предпринимаемая нами мера продажи золота мера чрезвычайная, вызываемая исключительно остротой момента и я глубоко убежден, что Вы, разделяя этот мой взгляд, и со своей стороны примите энергичные меры с (так! – О.Б.) раскрепощением наших заграничных ресурсов или хотя бы к какому-либо заграничному займу»⁸.

Получить заем было не так легко, что же касается продаж, то лиха беда – начало. Дальнейшие продажи пошли как по маслу и теперь уже при участии союзных правительств, так как золото приобреталось главными эмиссионными учреждениями союзников. Динамика продаж (вырученные суммы приведены в долларовом эквиваленте), согласно В.И. Новицкому, заместителю министра финансов правительства Колчака, выглядела следующим образом:

- В мае 1919 года⁹ французскому правительству на 1.371.745 долларов, англичанам – на 5.617.620 долл.
- В июле англичанам и французам – на 7.599.028 долл.
- В августе японцам – 6.989.365
- В сентябре японцам – 5.443.430
- В сентябре французам – 8.165.145
- Всего на сумму 35.186.333 долл.¹⁰

В статье В.И. Новицкого «Судьба русского золотого запаса», также как в воспоминаниях Никольского, цифры нередко округлены, встречаются ошибки, которые вызваны, вероятно, тем, что под рукой ни у того, ни у другого не было всех необходимых документов. Сравним сведения, приведенные в текстах обоих авторов, с несомненно более точной информацией, содержащейся в телеграмме Никольского Новицкому от 14 сентября 1919 года о продажах золота:

«Первая продажа Индо-Китайскому 26 мая 2 тыс. кг по цене 3.750 франков кило, 19 июня Гонконг-Шанхайскому банку 272341,19 унций стандарт по цене 3 фунта 19 шиллингов 8 пенсов за 1 унцию.

Вторая продажа Индустриальному Китайскому 24 июля 131661,986 унций стандарт 3 фунта 19 шиллингов 8 пенсов за 1 унцию, Гонконг-Шанхайскому 28 июля 236307,02 унций стандарт по той же цене.

Во всех перечисленных случаях надо вычесть расходы по отправке.

Третья продажа 30 июля Йокогама Спешу банку 73636,17 унций по цене 40,8685 иен за 1 унцию.

Четвертая продажа 2 августа Йокогама Спеша 264518,29 по цене 41,12 иен за 1 унцию»¹¹.

Нетрудно заметить, что выручка от продажи двух тысяч килограммов золота по цене 3750 франка за килограмм дает 7,5 млн. франков, а никак не 8. Подтверждение этой цифре находим в данных, приведенных Новицким: 1 млн. 371 тыс. 745 долларов, вырученные от продажи первой партии золота при переводе во франки по тогдашнему курсу 5,47 франка за доллар дают те же 7,5 млн. франков. Нетрудно заметить также, что первая партия золота была продана не Индустриальному Китайскому банку, а Индо-Китайскому, причем расчет был произведен не в долларах, а во франках, и не в начале мая, а в конце. Любопытно также сообщение Новицкого о том, что первая продажа золота была произведена французскому правительству. Получается, что Индо-Китайский банк выступал в качестве его агента, о чем не упоминает Никольский.

Наиболее крупная партия золота была приобретена Гонконг-Шанхайским Банком (на 1.182 тыс. ф. ст.). Все продажи, кроме последней, производились Кредитной канцелярией. Последняя партия в 750 пудов (12.000 кг) была продана по контракту, подписанному министром финансов в Омске, через Banque de l'Indo-Chine (Индо-Китайский) французскому правительству за 51.360 тыс. франков. Условия этой сделки были довольно невыгодны, но сама продажа, по словам Никольского, «носила скорее политический характер, имея целью улучшить отношения с французами»¹².

Продажи золота, кроме первой и последней, производились в фунтах стерлингов и иенах¹³.

В.И. Новицкий, убежденный сторонник реализации золота, после своего приезда в Омск в июле 1919 года и вступления в должность директора Кредитной канцелярии, активно способствовал скорейшей отправке ценностей во Владивосток.

Однако на месте Никольскому приходилось действовать самостоятельно, что имело и свои недостатки - не с кем было посоветоваться, и преимущества, ибо нередко от оперативности принятия того или иного решения зависела успешность сделки. Тем более, что за право покупки российского золота между иностранными банками развернулась нешуточная борьба.

Об остроте конкуренции свидетельствует, в частности, вербальная нота японской дипломатической миссии в Сибири колчаковскому МИДу от 11 июля 1919 года. Ссылаясь на информацию, полученную от директора Иностранного отделения Кредитной канцелярии о наличии во Владивостоке 400 пудов золота для продажи,

японские дипломаты просили «Русское правительство в Омске со- благоволить отнестись благосклонно к просьбам японских банкиров относительно покупки золота». Дипломаты Страны восходящего солнца аргументировали свою просьбу тем, что «Япония ввозит в Россию большее количество товаров, чем все другие страны»¹⁴. Японцы были явно озабочены тем, что первые партии золота были проданы французскому и британскому банкам, а они остались не у дел.

Никольский умело использовал конкурентную среду. Так, в августе 1919 года ему «удалось продать Йокогама Спеша Банку золото на сумму около 11 миллионов иен по такой цене, которая оказалась убыточной для Банка. Назначив цену в разговоре с директором отделения Банка во Владивостоке, я дал ему кратчайший срок для ответа, заявив, что меня ждут американцы. Так как японцы не приучены считать в уме, а только считают (мастерски) на своих маленьких деревянных счетах, то ему не хватило времени для производства точных расчетов; упускать золото “врагам” американцам он не хотел и принял предложенную цену, составившую для него убыток около 30.000 иен»¹⁵.

Продажи золота давали колчаковским финансистам в среднем около 15 млн. золотых рублей в месяц. Их хватало с трудом на неотложные потребности, однако на создание сколько-нибудь серьезного резерва рассчитывать не приходилось. Но финансисты и дипломаты не теряли надежды на получение займов. Золоту и здесь пришлось сыграть роль решающего аргумента.

Единственно возможными видами кредитных операций для колчаковского правительства оказались краткосрочные займы под залог золота. При новом министре финансов Л.В. фон Гейере, сменившем в августе 1919 года дискредитировавшего себя неудачно проведенной денежной реформой¹⁶ и политическими интригами Михайлова, были заключены соглашения с японскими, английскими и американскими банками о краткосрочных займах под обеспечение золотом. «Все эти соглашения имели характер ссуд, обеспеченных драгоценными металлами. Их не приходилось называть государственными кредитными операциями», - справедливо указывал Никольский¹⁷. Однако ничего другого финансисты сделать не могли.

Удобнее всего было заказывать предметы снабжения в Японии - материалы могли поступить достаточно быстро, и не требовалось тратить крупных сумм на фрахт судов. Однако надежды на получение «бланкового» кредита в Стране восходящего солнца были столь же беспочвенны, как и в Европе. Посол в Токио В.Н. Крупен-

ский вступил в переговоры с японским правительством о поставках вооружения и боеприпасов, однако японцы не собирались заниматься благотворительностью. Посол телеграфировал в МИД:

«Японское правительство согласно поставить нам 50.000 винтовок, но просит сообщить, в какой срок, по возможности кратчайший, и каким путем будет произведена уплата следуемых за них денег. Выясняю, можно ли будет немедленно получить 20 миллионов патронов. Так как в отношении патронов также неминуемо возникнет вопрос об уплате, то прошу ускорить телеграфно указания на этот счет. Очевидно из полученного уже ответа, что кредиты от японского правительства или рассрочки платежа на отдаленные сроки даны не будут. Если Правительство не располагает соответствующими средствами для уплаты за патроны и оружие и намерено поручить Посольству изыскать эти средства здесь путем займа, то считаю долгом заранее предупредить, что Японские банки неизбежно потребуют полной материальной гарантии всякого незначительного даже займа, вероятнее всего из нашего золотого запаса»¹⁸.

После интенсивных переговоров 7 октября 1919 года в Токио было подписано соглашение между отделением Государственного банка во Владивостоке и японскими Йокогама Спецбанк и Чозен банк в Токио. Приводим полностью текст договора, подписанного представителем Российского Госбанка Шекиным и представителями Йокогама Спецбанка Накаи Каивара (Nakai Kaiwara) и Чозен банка Й. Катаяма (J. Katayama):

«1. Японские банки открывают в равной части кредит Владивостокскому отделению Государственного банка в форме учета его векселей на сумму 20.000.000 иен. Достоинство каждого векселя 100.000 иен.

2. Векселя выписываются сроком на три месяца.

3. Первоначальные векселя могут быть возобновлены не более пяти раз.

4. По счетам, открываемым японскими банками Государственному банку, уплачивается 2% годовых. По исчерпанию кредита в 20.000.000 иен японские банки по желанию Государственного банка открывают особый кредит в размере не свыше 2.000.000 иен под обеспечение золота. По такому особому кредиту японскими банками взимается 7% годовых.

5. Японским банкам по векселям уплачивается 7% годовых, включая комиссию за акцепт»¹⁹.

6. Новые векселя должны быть вручены Владивостокским отделениям японских банков за пятнадцать дней до истечения срока возобновляемых векселей.

7. Окончательная оплата векселей производится за три операционных дня до истечения срока.

8. В обеспечение исполнения своих обязательств, Государственный банк вносит во Владивостокские отделения японских банков депозит золотыми монетами на сумму 20.000.000 иен плюс три процента маржа. Это золото отправляется затем на хранение в Осаку. По телеграфному извещению японских банков их отделениями во Владивостоке о передаче векселей и золота, японские банки открывают Государственному банку кредит в размере половины номинальной суммы таких векселей за учетом 7%. На остальную половину Государственный банк будет кредитован по проверке пробы золота из расчета 500 за 100 момм²⁰ чистого золота. Золото возвращается Государственному банку по оплате им его векселей. Расходы по перевозке золота в размере 6% в Осаку и обратно во Владивосток, если Государственный банк пожелает это, падают на Государственный банк.

9. В случае неоплаты Государственным банком его векселей, японские банки продают депонированное золото. Если вырученная от продажи золота сумма была бы недостаточна на покрытие платежа, плюс 7 1/2 за просрочку, Государственный банк обязуется доплатить причитающиеся с него суммы. Если выручка от продажи превысила бы обязательства Государственного банка, то разница выплачивается Государственному банку.

10. В случае, если Государственный банк пожелает досрочно выкупить векселя, то золото может быть продано по желанию Государственного банка японским банкам и выручка за покрытием расходов обращена на покрытие его обязательств.

11. Всякие недоразумения по исполнению данного соглашения разбираются японским судом.

12. В случае если Государственный банк пожелает увеличить размер данного кредита на дополнительные 30.000.000 иен, то японские банки согласны открыть новый кредит Государственному банку на условиях, аналогичных настоящему, за исключением особого кредита в 2.000.000 иен. О таком желании Государственный банк должен уведомить японские банки в течение 6 месяцев со дня подписания этого соглашения»²¹.

Нетрудно понять, что шансов на возвращение золота практически не было. Но пока что появились деньги, и уже на следующий день после подписания соглашения В.Н. Крупенский просил Минфин перевести на счет посольства суммы для содержания посольства и консульских учреждений, включая надбавки на дороговизну, а также недополученные в свое время суммы. Всего – 435 тыс. иен²².

Еще две недели спустя Крупенский телеграфировал управляющему Министерством иностранных дел правительства Колчака И.И. Сукину:

«Убедившись, что благодаря недавно заключенной здесь кредитной сделке под золото, в нашем распоряжении будет достаточное количество японской валюты. . . думаю ныне окончательно уже приступить к отправке товаров. Заготовлена партия оружия, амуниции и материалов. . . Прошу принять меры, чтобы уплаты по заказам были в условленные сроки своевременно обеспечены валютой в общем размере около 26 с половиной миллионов иен»²³.

Российские финансисты, несомненно, изначально планировали увеличить общую сумму займа до 50 млн. иен.

Однако если первая часть кредитной операции прошла гладко, то с выполнением второй возникли проблемы. Золото, предназначенное для отправки в Японию, из Омска во Владивосток не доехало. Очередной «золотой эшелон» был захвачен в Чите атаманом Г.М. Семеновым. 30 октября 1919 года Совет министров поручил военному министру «сделать распоряжение о передвижении 2.000 пудов золота во Владивосток», а управляющему Минфином – «вступить в переговоры с послом Японии г. Като об оказании содействия в передвижении золота во Владивосток, ввиду необходимости передачи его Японии для уплаты по военным заказам, произведенным Российским Правительством в Японии»²⁴.

Военный министр Омского правительства был Семенову не указ, да и Колчаку он подчинялся лишь тогда, когда ему это было удобно. Неясно, почему японский посол, и в особенности командование японскими войсками не захотели или не смогли оказать воздействие на своего ставленника. Возможно, у японских военных были свои виды на использование золота, отличные от планов банкиров. Ведь таким образом Семенов в значительной степени переходил на «самофинансирование».

Японские банкиры, не дождавшись поступления золота в обеспечение второй части займа, по-видимому, начали беспокоиться. Беспокоился и Крупенский, разместивший заказы на сумму, пре-

вышающую выручку по первой части кредитной операции на шесть с половиной миллионов иен, не считая средств, необходимых для содержания посольства. Уже 4 ноября 1919 года посол запросил Минфин, «было ли отправлено из Омска во Владивосток необходимое количество золота для исполнения дополнительного контракта о ссуде тридцати миллионов иен от японских банков. Если Правительство вообще лишено возможности выполнить эту сделку, прошу уведомить меня о том, указав причины, дабы я мог постараться сгладить то крайне неблагоприятное впечатление, которое этот факт неизбежно здесь вызвал бы»²⁵.

Крупенский продолжал запрашивать финансистов о судьбе золота, которое должно было поступить по второй части кредитной операции в течение последующего месяца. Никольский, в свою очередь, ссылаясь на посла в Токио, запрашивал Минфин. Последняя телеграмма из Минфина была отправлена в середине декабря. Текст ее мало отличался от предыдущих: «Вопрос о золоте еще не разрешен»²⁶. А еще три недели спустя Семенов, превратившийся уже из «разбойника» в начальника Восточной окраины Российского государства, сам запрашивал финансистов об имеющемся в их распоряжении золоте.

Что же касается металла в обеспечение второй части кредитной операции, то поступило его в Японию менее трети от оговоренной суммы. 12 и 22 ноября 1919 года в Японию были отправлены две партии золота стоимостью 4.800.000 рублей каждая²⁷. Всего по второй части кредитной операции было доставлено в хранилища японских банков золота на 9.600.000 руб., что равнялось такой же сумме в иенах. За вычетом процентов и, очевидно, платежей по страховке и отправке, на счета российских финансистов, по данным Кредитной канцелярии, поступило 8.300.000 иен²⁸.

Итоги заимствований, произведенных колчаковским правительством, выглядели следующим образом: у синдиката японских банков – 28.300.000 иен, у синдиката англо-американских – 7.500.000 фунтов стерлингов, причем в Великобритании деньги поступали в фунтах стерлингов (3.000.000), а в США в долларах (22.500.000). («Чистая» выручка превысила, в эквиваленте, 100 млн. руб.) Большой частью этой суммы колчаковское правительство воспользоваться не успело. Однако платить по его счетам все равно пришлось.

Попробуем разобраться, на что пошли вырученные от продажи золота и полученные в результате займов под золото деньги, и насколько эффективным было их использование. Львиная доля была

потрачена на вооружение, боеприпасы и другое снабжение военного назначения, как показывают справки, подготовленные тем же Перцовым²⁹. Справки дают достаточно полное представление о финансовых операциях и распределении финансовых ресурсов, осуществленных колчаковским Минфином на 7 декабря 1919 года. А также о заказах, которые предстояло оплатить.

В Японии были размещены заказы на 50.000 винтовок и 20.000.000 патронов (4.601.100 иен), 90.000 комплектов обмундирования и 50.000 сапог (8.490.000 иен), на различные материалы для службы связи - 850.000 иен. Заказы морского министерства должны были обойтись в 270.000 иен, «ликвидация» заказов Министерства снабжения и продовольствия - в 1.000.000 иен. Кроме того, предполагалось приобрести бумагу для Управления делами Верховного правителя на сумму 400.000 иен и сахар - на 635.000 иен. Проценты, которые следовало уплатить по первой части японской операции за 18 месяцев составляли 2.100.000 иен, по второй, незавершенной, по нашим расчетам - около миллиона иен³⁰. Общая сумма осуществленных и предполагаемых платежей в Японии составляла немногим более 19 млн. иен³¹.

В итоге в Японию по второй части кредитной операции было доставлено менее трети золота, чем это изначально планировалось. 80 ящиков золотой монеты на сумму 4.800.000 золотых рублей, отправленные 22 ноября 1919 года на пароходе «Сума Мару» в Цуругу стали последней партией золота, поступившей в подвалы японских банков³². Соответственно, меньше денег поступило и на счета Кредитной канцелярии.

Отметим: система закупок необходимых товаров за рубежом оставляла желать лучшего. Логика подсказывала, что заказывать надо через агентов - агента Министерства торговли и промышленности в Японии, выполнявшего одновременно обязанности финансового агента, К.К. Миллера, военного агента в Японии генерала М.П. Подтягина, финансового агента в США С.А. Угета. Но эта «элементарная точка зрения» встречала сильное противодействие со стороны уполномоченных Министерства снабжения на местах, предпочитавших, по утверждению Никольского, - «заклучать контракты и выступать в роли «гастролеров» за границей»³³.

Создано было множество комиссий и комитетов, но, несмотря на это, забыли заказать шинели, что выяснилось в августе 1919 года! Спасать отечество в Японию был направлен уполномоченный министерства, потребовавший у Никольского 1 млн. иен наличными. Получив 50 тыс. иен наличными, а остальные средства - чеком,

уполномоченный по прибытии в Японию не явился ни к Миллеру, ни к Подтягину, провел весело дней 10, потратив 15 тыс. иен, и вернулся несолоно хлебавши. Шинели пришлось с большим опозданием заказывать в США³⁴.

Видимо, это был не единичный случай. Уже весной 1919 года Министерство продовольствия и снабжения иронически называли Министерством «удовольствия и самоснабжений»³⁵. Впрочем, при самых благих намерениях недостаточный профессионализм «снабженцев», межведомственная конкуренция и, по-видимому, отсутствие ясного представления о том, что, в какой очередности и в каких количествах нужно закупать за границей, приводили к неразберихе, и сказывались на армии.

Первая часть японского кредита была полностью потрачена. Деньги, поступившие по второй части кредитной операции в сумме 8,3 млн. иен, оказались по большей части на счету Карла Карловича Миллера, агента Министерства торговли и промышленности в Токио, исполнявшего одновременно функции финансового агента. В литературе неоднократно приводились сведения о суммах, находившихся на счетах Миллера. Все они восходят к одному и тому же источнику - бумагам Кредитной канцелярии во Владивостоке, оказавшихся в руках большевиков. Согласно Меморандуму советской делегации в Генуе, на счетах Миллера находилось: иен - 6 660 273, долл. - 170 000, фр. - 424 000, ф. ст. - 25 000, мексиканских долл.³⁶ - 450 000, шанхайских таэлей³⁷ - 695 797³⁸.

Сходные данные опубликовал бывший управляющий финансами Иркутского Политцентра, а затем управляющий финансовым ведомством Временного правительства Дальнего Востока - Приморской земской управы - А.И. Погребецкий. По его сведениям, на личных счетах Миллера находились 6940 тыс. иен, 170 тыс. американских долларов, 25 тыс. фунтов стерлингов, 424 тыс. французских франков и 450 тыс. мексиканских долларов³⁹. На самом деле в распоряжении Миллера находились существенно меньшие суммы. На начало июля 1920 года на его счетах было 6.900.000 иен, 395.000 франков и 15.000 ф. ст.⁴⁰ 450 тыс. мексиканских долларов и 350 тыс. лан (таэлей), вырученных за продажу казенного серебра, оказавшегося на Дальнем Востоке, были заблокированы в Русско-Азиатском банке, руководство которого заявило, что передаст их законному русскому правительству⁴¹. (Эти суммы были равны приблизительно 10 млн. французских франков⁴².) Миллер судился с банком, но «вытащить» некогда принадлежавшие колчаковскому правительству суммы так и не удалось.

В распоряжении российского военного агента в Японии М.П. Подтягина имелось 1.767.000 иен, переведенных в свое время на закупку различных материалов, однако около миллиона из этой суммы еще следовало уплатить японскому Военному министерству за сделанные ранее заказы. Что же касается заказов, оплаченных за счет японского кредита, то в полном распоряжении военного агента находилось лишь санитарное оборудование и бинокли. Судьбу остатков имущества фактически решали японцы. Винтовки и карабины были отправлены ими в Забайкалье, атаману Семенову. Туда же, по согласованию с российскими дипломатами, планировалось отправить инженерное и интендантское имущество. «Реализация этого имущества отчасти невозможна, отчасти была бы сопряжена со значительной потерей», - информировал Париж посол в Токио В.Н. Крупенский⁴³.

Ответ посла в Пекине кн. Н.А. Кудашева на запрос посла в Риме М.Н. Гирса о средствах колчаковского правительства в Китае, был неутешительным: «Все оставшиеся в Китае ценности Омского правительства после его падения взяты мною на учет и под секвестр для передачи будущему русскому правительству после его всеобщего признания, в частности Китаем. Сложное дело ликвидации еще не закончено вполне, почему не могу дать пока общей суммы». Речь шла о тех же деньгах, полученных от продажи серебра. По данным Кудашева на счетах Омского правительства в Русско-Азиатском банке было секвестровано 887.733 лан, 3.622 фунтов стерлингов и 1.176 золотых (т.е. американских) долларов⁴⁴.

И уж совсем обескураживающим был ответ Миллера, основного «держателя» казенных сумм на Дальнем Востоке, финансовому агенту в Лондоне, Главноуполномоченному по финансово-экономическим делам К.Е. Замену, стремившемуся поставить сохранившиеся средства под свой контроль: «Я считаю, что мой долг перед родиной не позволяет мне уклониться от ответственности, возложенной на меня переводением на мое имя Омским правительством разных государственных сумм»⁴⁵. Это означало что «Главноуполномоченный» Замен для него не указ...

К сожалению, нам не удалось обнаружить подробных сведений о расходах, произведенных Миллером в период с декабря 1919 по сентябрь 1920 года. Известно, что он перевел в Лондон 30.000 фунтов стерлингов для «подкрепления» наличности Замена и 100.000 иен посланнику в Пекине кн. Кудашеву «на беженцев»⁴⁶. Несомненно также, что после прекращения Китаем выплаты «боксерского вознаграждения» (контрибуции, выплачивавшейся Китаем

в порядке компенсации за ущерб, нанесенный иностранцам в период боксерского восстания 1900 года) из его средств содержались дипломатические учреждения на Дальнем Востоке. Так что Миллер не лукавил, когда в ответ на запрос министра финансов правительства Деникина и Врангеля М.В. Бернацкого, содержавший требование перевести в его распоряжение значительную часть находившихся на его счетах в Японии денег, телеграфировал министру 1 сентября 1920 года:

«Находящиеся в моем распоряжении суммы примерно 6.000.000 иен являются единственными казенными средствами для удовлетворения общегосударственных потребностей на Дальнем Востоке <...> содержание всего нашего представительства в Японии и Китае всецело ляжет на эти суммы. Кроме того усиливающийся приток беженцев требует крупных ассигнований, на этот предмет миссии по просьбе Замена переводятся Кудашеву <пропуск в тексте: как можно понять из последующей переписки, посланнику в Пекине кн. Кудашеву были переведены 100 тыс. иен. - О.Б.>.

Предоставление Замена огульно средств в указанном Вами размере <...> фактически угрожало бы всякой государственной деятельности на Дальнем Востоке <...> В дальнейшем <...> я готов по мере возможности оказывать финансовую поддержку Правительству Юга России, но должен просить сообщать в каждом отдельном случае на что требуются деньги»⁴⁷.

Отказ К.К. Миллера всецело предоставить имевшиеся у него средства в распоряжение Врангеля вызвал гневную телеграмму обычно сдержанного Гирса послу в Японии В.Н. Крупенскому, в которой «теневой министр иностранных дел» обвинил финансового агента в нежелании поддерживать национальное движение. Крупенский, однако, вступился за отсутствовавшего в тот момент в Японии Миллера:

«Миллер несколько не уклоняется от совместной работы на пользу общего дела, особенно с правительством Врангеля, коему он, как и все мы, горячо сочувствует. Но я вполне понимаю, что возложенная на него тяжелая ответственность, которой он считает себя по совести связанным, не позволяет ему по простому о том требованию предоставить распоряжение вверенными ему суммами другим лицам, каков бы ни был их личный авторитет, тем более, что ему совершенно неизвестно, израсходованы ли уже на государственные нужды находившиеся у этих лиц несравненно более крупные денежные средства»⁴⁸.

Привлекли к воздействию на брата и генерала Евгения Карловича Миллера, бывшего командующего белыми войсками на Севере, а затем представителя Врангеля в Европе.

Дружными усилиями кое-какие деньги «выдавить» из К.К.Миллера удалось. Он телеграфировал брату и Замену, одновременно указывая на свою лояльность и подчеркивая свою независимость.

Генералу Е.К. Миллеру он писал:

«Я неоднократно высказывал полную готовность оказывать финансовую поддержку правительству Врангеля предоставлением средств на определенные цели. В частности, немедленно перевожу Замену 100000 фунтов для оплаты угля. Ввиду лежащей на мне ответственности, я ставлю лишь необходимым условием точное указание, на что в каждом отдельном случае требуются деньги и почему именно из моих кредитов. Считаю себя однако обязанным отклонять всякие посягательства на распоряжение вверенными мне суммами. Вместе с тем я никогда не имел в виду отказывать в содействии общему делу, важность которого всецело признаю»⁴⁹.

Миллер напоминал о предыдущих переводах и предупреждал, что «ввиду современной политической обстановки на Дальнем Востоке и возможности возникновения здесь крупных и неотложных государственных потребностей», он «принужден заботиться о сохранении достаточных средств для их удовлетворения и относиться с крайней осторожностью» к расходованию вверенных ему сумм⁵⁰.

После того, как декретом президента Китая были закрыты с 1 сентября 1920 г. российское дипломатическое и консульское представительства, Миллером было выплачено «ликвидационное» вознаграждение. На это пошло несколько более 250.000 иен; чиновникам выплачивали оклад за шесть месяцев, надбавки за дороговизну, курьерские дачи. Менее значительные суммы, от 4 до 6 тыс. иен, пошли на ликвидацию консульств в Гонконге, Сингапуре и Гирине, миссии в Сиаме и агентства министерства торговли и промышленности в Шанхае⁵¹.

Забегая вперед, надо сказать, что осторожность Миллера оказалась вполне оправданной, и Гирсу, как и Врангелю, еще пришлось оценить это впоследствии. В то время, как почти все средства Лондонского финансового агентства к концу 1920 года были потрачены, и после крымской катастрофы Замену нечем было помочь оказавшейся на чужбине армии, Миллеру еще пришлось переводить

крупные суммы на расселение врангелевского воинства, превратившегося в беженцев.

Вряд ли когда-нибудь удастся точно выяснить, на что именно атаман Семенов израсходовал золото на сумму свыше 43 млн. рублей. В своих воспоминаниях Семенов не вдается в финансовые детали, но мимоходом сообщает любопытные подробности. Так, барон Р.Ф. Унгерн фон Штернберг, командир «азиатского корпуса», отправленного Семеновым в Монголию, где он собирался создать базу для борьбы с «Коминтерном» (и привлечь к этому делу монголов!) получил семь миллионов золотых рублей⁵².

Когда под натиском Народно-революционной армии Дальневосточной республики (буферное государство, фактически контролировавшееся большевиками) семеновское воинство в ноябре 1920 года эвакуировалось из Забайкалья в Манчжурию, атаман, по его утверждению, снабдил штаб своей армии «деньгами в золоте на весьма крупную сумму». Деньги предназначались на оплату перевозки армии по КВЖД и для распределения между обществами взаимопомощи ее чинов. «Это были последние денежные ресурсы, находившиеся в моем распоряжении», - утверждал Семенов⁵³. Однако через несколько страниц Семенов, будто забыв, что его «денежные ресурсы» иссякли, пишет о финансировании им работы по подготовке переворота во Владивостоке с целью свержения власти Приморского областного управления, которое возглавлял большевик В.Г. Антонов.

Надежды Семенова, пробравшегося из Читы во Владивосток, возглавить здесь очередное «национальное» правительство разбились о сопротивление ряда генералов, возглавлявших остатки Сибирской армии. Его покровители - японцы - устами генерала Такабаяги посоветовали атаману временно удалиться со сцены. Семенов уехал в Порт-Артур, откуда стал готовить переворот. На эти цели он израсходовал «значительные суммы денег»⁵⁴. Возможно, правда, что эти средства не имели «золотого» происхождения, а были получены им из какого-то другого источника.

Однако его соратники (точнее, те, кого он считал таковыми) играли в собственную игру, и когда во Владивостоке в мае 1921 года произошел-таки переворот, его организаторы, братья С.Д. и Н.Д. Меркуловы, предпочли сами возглавить новообразованное Приамурское временное правительство, а не передавать власть атаману. Впрочем, кому быть у власти определяли в данном случае, скорее всего, японцы, решившие поддержать Семенова, имевшего совершенно одиозную репутацию, в резерве. При том, что Приамур-

ское правительство организовало так называемую Белоповстанческую армию из остатков семеновских и каппелевских войск. Это должно было быть атаману обидно вдвойне.

А.И. Гучков вскоре после переворота 26 мая 1921 года, приведшего братьев к власти, так характеризовал главу нового правительства, Спиридона Меркулова, в письме к генералу Врангелю: «Делец дальневосточного типа, аферист, неглупый, ловкий, оборотистый, он в течение долгих лет исправлял должность неофициального представителя и ходатая по дальневосточным делам в Петрограде. Политически, не будучи особенно строго принципиален, он принадлежал к моей октябристской партии. Чем он сделался теперь, не знаю. Говорят, он сдвинулся далеко вправо. Во всяком случае, к социалистическим партиям он, несомненно, не примыкает. Думается, что он временный, даже кратковременный жилец у власти»⁵⁵.

В последнем Гучков не ошибся. В июне 1922 года Меркуловы были вынуждены передать власть генералу М.К. Дитерихсу. Тот переименовал Белоповстанческую армию в Земскую рать, себя, соответственно, именовал воеводой, полки – дружинами. Основной административной единицей в Приморье стал при Дитерихсе церковный приход. Не удивительно, что офицеры за глаза титуловали Дитерихса «Ваше пресвященство». Это была агония. 25 октября 1922 года Красная армия, временно взявшая себе «псевдоним» Народно-революционной, вступила во Владивосток.

Что же касается Семенова, то в сентябре 1921 года он был вынужден уехать в Китай и перейти на положение эмигранта. Эти перемены в жизни атамана имели самое непосредственное отношение к судьбе остатков казенных средств в Японии.

Закупками различных материалов военного назначения ведал в Японии российский военный агент генерал М.П. Подтягин. В его-то распоряжении и оказалась часть денег, вырученных, очевидно, от продажи все того же золота, захваченного некогда атаманом Семеновым. «История вопроса» в изложении Подтягина выглядела следующим образом:

«В 1920 году прибывший в Японию представитель атамана Семенова генерал-майор Сыроболярский, озабочиваясь разысканием разного рода снабжения для Дальневосточной армии, обратился ко мне с просьбой о содействии к переуступке ему военного имущества, оставшегося невыданным Японским военным министерством от заказов Омского правительства вследствие недоплаты денег по контрактам. Всего за это имущество, оцениваемое на сумму в 5,5 миллиона иен, подлежало уплатить около 915.000 иен»⁵⁶.

Осталось неясным, урегулирована ли была эта проблема; во всяком случае сумма, достаточная для того, чтобы рассчитаться с Военным министерством Японии, Подтягину была доставлена.

22 сентября 1920 года чиновник Читинского отделения Госбанка Лосев передал военному агенту, по поручению атамана Семенова 1.400.000 иен «чеком на японский Государственный Банк, с оговоркою, что эти деньги выдаются из российских государственных средств». Деньги были помещены Подтягиным в банк «на общий счет других казенных денег».

Подтягин по просьбам Семенова тратил деньги «на разные нужды войсковых частей». Всего им было израсходовано почти 340 тыс. иен. Последняя выдача была произведена в апреле 1921 года, после чего Подтягин выплаты по указаниям Семенова прекратил. Он отказался выдать Семенову деньги по следующим мотивам:

«1) Атаман Семенов, не будучи фактически Главнокомандующим вооруженных сил Дальневосточной Окраины, не имел права распоряжаться казенными деньгами;

2) указанная сумма денег продолжала оставаться связанной, в силу соглашения с японским правительством, для расплаты за сделанные заказы»⁵⁷.

Но главное, что, по-видимому, заставило Подтягина прекратить финансирование: «в данном случае деньги предназначались, как о том можно было судить по начавшейся борьбе Атамана Семенова с Приморским (так в тексте, следует читать - Приамурским – О.Б.) правительством, на продолжение этой борьбы»⁵⁸. Финансировать междоусобную борьбу различных антибольшевистских сил Подтягин, очевидно, не хотел.

Семенов, возмущенный тем, что ему не выдаются переданные им же Подтягину деньги, подал на военного агента через своих представителей в суд. После чего с Подтягина были взяты объяснения и «было предложено полицейской властью выделить оставшуюся от 1.400.000 иен сумму в размере 1.061.077 иен, каковая сумма была, вследствие этого помещена на специальный фиксированный счет в Йокогама Спеси банке причем от меня было взято Токийской полицией письменное обязательство не выбирать этих денег или части их до решения дела компетентным судом»⁵⁹.

Карл Миллер и Михаил Подтягин между Азией и Европой

Основным держателем казенных сумм на Дальнем Востоке, как мы знаем, был К.К. Миллер. В 1921–1922 годах он оказывал из находившихся в его распоряжении средств помощь русским бежен-

цам в Японии, в Харбине и Шанхае, а также особому совещанию Российского общества Красного Креста. Но основные его расходы приходились на Европу, куда им было переведено в 1921 году в общей сложности около 3 млн. иен, что составило приблизительно 75% всех его трат. Кроме того, из его средств покрывались расходы на содержание дипломатических представительств не только на Дальнем Востоке, но и в Европе⁶⁰.

Миллер переводил деньги целевым назначением: 120 тыс. фунтов стерлингов было переведено им в 1921 году на содержание чинов Дипломатического ведомства и помощь армии Врангеля; в сентябре 1921-го, по просьбе Гирса, он перечислил миллион франков на довершение расселения армии, «в виде последнего и окончательного платежа на этот предмет». Переводы во франках исчислялись по курсу 50 франков за 1 фунт стерлингов⁶¹.

К сожалению, нам удалось обнаружить подробные ведомости расходов Миллера на Дальнем Востоке лишь за второе полугодие 1921 года. Однако они дают вполне репрезентативную картину. В Японии за этот период им было выдано пособий отдельным лицам, в основном на выезд из страны, на сумму 25.000 иен. Русскому обществу в Японии было отпущено 21.300 иен, опять-таки на пособия на выезд и на благотворительные цели. Всего в Японии на цели благотворительного характера было потрачено 59.280 иен, в других странах Дальнего Востока – 88.715.52 иен. На что конкретно шли отпускаемые средства, можно судить по отчету Особого Совещания Российского общества Красного Креста на Дальнем Востоке от 9 сентября 1921 года. Приведем, для примера, сведения о расходах на некоторые учреждения РОКК в Харбине, главном центре российской эмиграции на Дальнем Востоке (статьи расхода приведены выборочно):

«1. Прачешная и баня (ежемесячно бесплатно моет 1040 чел., платно 500 чел., прачешная стирает бесплатно 9000 шт. и платно 6000 шт.), за исключением <так!> получаемых с клиентов денег требуется 830 иен в мес.

2. Хлебная лавка (в настоящее время раздает бесплатно 1108 порций в день) – 350/мес.

3. Общежитие для беженцев (на 20 чел. бесплатно) – 628»⁶².

Вне Харбина действовали два санитарных поезда (на 200 коек каждый) (по 4.434.50/мес.), дешевая столовая во Владивостоке (на 500 порций в день, 300/мес), лазарет в селе Раздольном (на 50 коек, 500/мес.) и т. д. На содержание и ликвидацию правительственных учреждений на Дальнем Востоке пошло 166.392.92 иены⁶³.

Миллер, как, впрочем, и другие финансовые агенты, не только тратил деньги, но и старался их приумножить. Проценты и прочие доходы с капитала, а также прибыль от продажи и покупки процентных бумаг составили за отчетный период 91.675.71 иену. На 1 января 1922 года на счетах Миллера оставалось 3.683.802.10 иен (1 млн. 841 тыс. 90 долларов)⁶⁴. В начале 1922 года Миллер перевел «на содержание в течение полугодия чинов Дипломатического ведомства и находящихся в его распоряжении агентов» 1,5 млн. франков. Целевым назначением он перевел также 30.000 франков для Общества служащих Министерства иностранных дел, образованного в Париже. А затем, видимо, чтобы финансистам не было обидно, такую же сумму для Объединения служащих Министерства финансов. Переводы во франках исчислялись по курсу 50 франков за 1 фунт стерлингов⁶⁵.

В сентябре 1922 года Миллер закрыл Агентство Министерства торговли и промышленности в Японии (обязанности финансового агента, фактически ставшие его основными, формально он выполнял «по совместительству») и уехал в Париж⁶⁶. На деле он уже стал по преимуществу финансистом русской эмиграции в Европе; пребывание в Японии было в связи с этим не очень удобным. К тому же российские официальные учреждения на Дальнем Востоке были практически полностью ликвидированы.

Некоторые (хотя и существенно меньшие, чем у Миллера) казенные суммы в Японии находились на счетах военного агента генерал-майора М.П. Подтягина. Он свято блюл государственные интересы, сражаясь за казенные деньги и исправно отчитываясь, за именованием легитимного, с его точки зрения, российского правительства, перед врангелевскими представителями в Европе – генералами И.А. Хольмсенем и Е.К. Миллером. Канцелярию Подтягин содержал за счет сумм, «образовавшихся в банках на нарощенные проценты». Обходилась она в 17.515 иен в год. За счет процентов получал добавочные выплаты за выслугу лет и вследствие производства в подполковники Осипов, всего 1.224.45 иен⁶⁷.

Очевидно, наиболее крупной суммой, израсходованной Подтягиным на Дальнем Востоке в начале 1920-х годов, были 400.000 иен, предоставленные им в 1921 году на снабжение армии Приамурского правительства. На эти же цели Миллер отпустил 100.000 иен⁶⁸.

Подтягин задержался в Японии почти на два года дольше Миллера, хотя после установления советской власти на Дальнем Востоке снабжать ему было уже некого. Держал его процесс по делу

о «семеновских» деньгах, о чем подробнее ниже. Убедившись, что дело затягивается, Подтягин оставил его заботам адвокатов, за которыми присматривал поверенный в делах в Японии Д.И. Абрикосов, сменивший в 1921 году ушедшего в отставку посла В.Н. Крупенского.

Летом 1924 года Подтягин перебрался в Европу. Приехал он не с пустыми руками: привез остаток денег, составлявшие, по видимому, около миллиона франков⁶⁹ и артиллерийские бинокли. Деньги были переданы им генералу Врангелю, что позволило продлить существование остатков армии на Балканах и военных агентур в различных странах еще на полгода. По расчетам Врангеля, имевшиеся в его распоряжении средства позволяли содержать военную организацию до 1 апреля 1925 г., что же касается военных агентур и военных союзов, то они были обеспечены средствами только по 1 января 1925 г.

«Ныне прибывший в Париж российский военный агент в Японии генерал Подтягин, - докладывал Главнокомандующий великому князю Николаю Николаевичу, - передал в мое распоряжение, как правопреемника адмирала Колчака, остаток сумм правительства адмирала. Эти суммы вместе с другими поступлениями, вероятно, дадут мне возможность, произведя новые предельные сокращения, продолжить ассигнования на Армию и военные агентуры по 1 октября 1925 года, на каковой срок и составлены сметные предположения»⁷⁰.

Партия артиллерийских биноклей, привезенная Подтягиным из Японии, состояла из 704 шестикратных и 20 двенадцатикратных стоимостью по 300 и 400 франков соответственно. По оценкам генерала Е.К. Миллера, за бинокли можно было выручить в среднем не менее 250 франков за штуку, т.е. около 180.000 фр.⁷¹

Однако самая крупная сумма, на которую рассчитывал Подтягин - и, соответственно, Врангель, - более миллиона иен, осталась в Японии. За обладание этой суммой еще предстояла упорная борьба, конца которой не было суждено увидеть Главкомандующему.

В целом же, тяжба по поводу «русских денег в Японии», ставших «яблоком раздора» для различных групп российских эмигрантов, растянется ещё почти на десять лет. Финал это истории, напоминавшей захватывающий плутовской роман, придётся на новую эпоху мировых военно-политических коллизий. Но это - уже другая история.

¹ ГА РФ. Ф. 198. Оп. 2. Д. 12. Л. 1; Д. 49. Л. 11.

² ГА РФ. Ф. 198. Оп. 2. Д. 49. Л. 23-23 об.

³ К.К. Миллер - Михайлову, 3.III.1919 - ГА РФ. Ф. 198. Оп. 2. Д. 49. Л. 49.

⁴ Никольский А.А. Очерк финансовой политики Омского правительства // ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 141. Л. 66-68.

⁵ Там же. Л. 76.

⁶ ГА РФ. Ф. 198. Оп. 2. Д. 59. Л. 18-19.

⁷ Никольский А.А. Указ. соч. Л.143.

⁸ Кармазинский - Сукину, 26 апреля 1919 г. - ГА РФ. Ф. 198. Оп. 4. Д. 25. Л. 6 об.

⁹ В статье В.И.Новицкого, в которой были приведены сведения о продажах золота, указан 1918 г. Это явная опечатка.

¹⁰ Новицкий В.И. Судьба русского золотого запаса // The Russian Economist. Vol. I. No. 2. January 1921. С. 509.

¹¹ Никольский - Новицкому, 14 сентября 1919 - ГА РФ. Ф. 198. Оп. 5. Д. 23. Л. 485.

¹² Никольский А.А. Указ. соч. Л. 143.

¹³ Никольский А.А. Указ. соч. Л. 143.

¹⁴ Колчак и интервенция на Дальнем Востоке: Документы и материалы. Владивосток, 1995. С. 144.

¹⁵ Никольский А.А. Указ. соч. Л.145.

¹⁶ О михайловской реформе см. D.J. Smele. Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak, 1918-1920. Cambridge, 1996. P. 401-411; В.М. Рышков. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 - начало 1920 г.). Новосибирск, 2006. С. 143-167.

¹⁷ Никольский А.А. Указ. соч. Л. 54,55.

¹⁸ Крупенский - Сукину, 22 июля 1919 - ГА РФ. Ф. 198. Оп. 2. Д. 48. Л. 6.

¹⁹ Акцепт (от лат. acceptus - принятый) - обязательство (подтверждение согласия) плательщика оплатить в установленный срок переводный вексель (тратту), выставленный на оплату счет, удовлетворить другие требования об оплате.

²⁰ Момме - древнеяпонская мера веса, применялась до окончательного введения метрической системы в 1921 г. 1 момме = 3,75 г.

²¹ НИА. RPUS. 62-2. Справка №5. Условия финансового соглашения от 7 октября 1919 года между отделением Государственного банка во Владивостоке и Икогама Специе банк и Нозен банк в Токио. См. копию договора на английском языке, заверенную первым секретарем российского посольства в Токио Д.И. Абрикосовым - ГА РФ. Ф. 198. Оп. 2. Д. 47. Л. 80-81 об. См. здесь же переписку по вопросу о заключении займа - лл. 17-17 об., 21-21 об., 25-25 об.

²² ГА РФ. Ф. 198. Оп. 2. Д. 49. Л. 66-68.

²³ Крупенский - Сукину, 22 октября 1919 - ГА РФ. Ф. 198. Оп. 5. Д. 23. Л. 129.

²⁴ ГА РФ. Ф. 198. Оп. 2. Д. 60. Л. 82.

²⁵ ГА РФ. Ф. 198. Оп. 2. Д. 47. Л. 96.

²⁶ Крупенский - Управляющему Минфином, 16 ноября 1919, Никольский - Новицкому, 27 ноября и 6 декабря 1919, Новицкий - Никольскому, 12 декабря 1919 - ГА РФ. Ф. 198. Оп. 2. Д. 47. Л. 99, 104-106.

²⁷ Донесение управляющего Владивостокской таможней в департамент таможенных сборов от 26 ноября 1919 г. - ГА РФ. Ф. 198. Оп. 2. Д. 60. Л. 97.

²⁸ ГА РФ. Ф. 198. Оп. 11. Д. 67. Л. 27.

²⁹ НИА. RPUS. 62-2.

³⁰ В справке приведен расчет процентов, исходя из того, что в Японию удастся доставить 375 пудов золота, ошибочно привезенных в Гонконг, и 50 пудов, освобожденных после оплаты пулеметов Кольта; тогда общая сумма, полученная по

второй части «японской операции», составила бы 18.500.000 иен, а проценты, которые следовало уплатить банкам за 18 месяцев, соответственно - 1.942.500 иен. На самом деле это золото в Японию доставлено не было. Таким образом, проценты причитались с суммы почти вдвое меньшей (9.600.000) и должны были составить чуть больше миллиона иен.

³¹ НИА. RPUS. 62-2. По расчетам Д.П. Перцова, исходившего из того, что по второй части кредитной операции в Японии удастся получить 18.500.000 иен и, соответственно, придется уплатить проценты с этой суммы, общая сумма платежей в Японии должна была составить 20.288.600 иен.

³² Донесение управляющего Владивостокской таможней в департамент таможенных сборов от 26 ноября 1919 г. - ГА РФ. Ф. 198. Оп. 2. Д. 60. Л. 97.

³³ Никольский А.А. Указ. соч. Л. 156.

³⁴ Там же.

³⁵ Будберг А. Дневник // Архив русской революции. Т. XIII. Берлин, 1924 (репринтное воспроизв. М., 1992. Т.13-14). С. 301.

³⁶ Мексиканский доллар был положен в основу монетной системы Китая в 1889 г., когда в стране была проведена денежная реформа. Один мексиканский (китайский) доллар (юань) был равен приблизительно 24 граммам серебра.

³⁷ Таэль (лан, лана, лян) – мера веса серебра, использовавшаяся в Китае при расчетах на внутреннем рынке (до 1933 г.). Насчитывалось около 170 разновидностей таэлей. С 1903 г. стали чеканиться монеты (таэли) весом 37,2 г. Однако в обращении оставались и некоторые другие разновидности таэлей. Соотношение таэлей и мексиканских (китайских) долларов различных провинциях было неодинаковым, завися от пробы таэля. Так, в Шанхае 71-73 таэля равнялись 100 мексиканским долларам.

³⁸ Документы внешней политики СССР. Т.V. М., 1961. С. 309-310.

³⁹ Погребецкий А.И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период войны и революции (1914–1924). Харбин, 1924. С. 12.

⁴⁰ Крупенский – Гирсу, 2 июля 1920 – LRA. Zemgor.

⁴¹ К.К. Миллер – Бернацкому, 8 января 1921. – BAR. Bernatskii, Box 1. File «Civil War, Siberia & Far East».

⁴² Это составляло, при пересчете в фунты стерлингов по курсу 46 франков за 1 фунт, 217 тыс. 391 фунтов стерлингов, или, при переводе в доллары по курсу 12 франков за один доллар – 833 тыс. 333 доллара. (Справка о казенных суммах, блокированных за границей. – Там же. File «Civil War: General & South Russia – 4».)

⁴³ Крупенский – Гирсу, 2 июля 1920 – LRA. Zemgor.

⁴⁴ Кн. Кудашев – Гирсу, 26 июля 1920 - LRA. Zemgor.

⁴⁵ К.К. Миллер – Замену, 2 августа 1920 - LRA. Zemgor.

⁴⁶ Крупенский – посольству, 25 сентября 1920 // Врангелевщина (По материалам Парижского «посольства» Временного правительства) // Красный архив. 1930. Т.3 (40). С.17.

⁴⁷ К.К. Миллер – Бернацкому, 1 сентября 1920 – BAR. Bernatskii, Box 1. File «Civil War, Siberia & Far East». (6 млн. иен – курс иены оставался стабильным в период 1914–1924 годов – были эквивалентны 600 тыс. фунтов стерлингов или 3 млн. долларов.)

⁴⁸ Крупенский – Гирсу, 6 сентября 1920 - Врангелевщина. С. 8-9.

⁴⁹ Крупенский – Послу, 25 сентября 1920 // Врангелевщина. С. 16.

⁵⁰ Крупенский – посольству, 25 сентября 1920 // Врангелевщина. С. 17.

⁵¹ BAR. Karl Miller Collection, Box 1. Папка «Ликвидация российского дипломатического и консульского представительства в Китае».

⁵² Атаман Семенов. О себе: Воспоминания, мысли и выводы. М.: АСТ; Гей-Итэрум, 1999. С. 212-213.

⁵³ Атаман Семенов. Указ. соч. С. 219.

⁵⁴ Там же. С. 223.

⁵⁵ Сенин А.С. Александр Иванович Гучков. М.: Скрипторий, 1996. С. 179.

⁵⁶ Подтягин – Е.К. Миллеру, 4 августа 1922 – НИА. Evgeniy Miller Collection. 8-8. См. здесь же копию письма Подтягина М.К. Дитерихсу от 29 июля 1922 г.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Подтягин – Е.К. Миллеру, 4 августа 1922 г.; копия письма Подтягина на имя командующего войсками Временного Приамурского правительства генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса - НИА. Evgeniy Miller. 8-8; НИА. Vrangeli. 145-29. Переписка и справки по поводу тяжбы между атаманом Семеновым и генералом Подтягиным, вклеена между л. 785 и 786.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ К.К. Миллер – С.А. Угету, 16 декабря 1921 – BAR. Bakhmeteff, Box 28.

⁶¹ К.К. Миллер – С.А. Угету, 16 декабря 1921; В.И. Новицкий. Обзор деятельности Финансового совета (20 марта 1922) – BAR. Bakhmeteff, Box 28.

⁶² BAR. Karl Miller Collection, Box 1.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Д.И. Абрикосов – Гирсу, 27 декабря 1921 и 20 января 1922; Миллер – Новицкому, 19 января 1922 – LRA. Zemgor.

⁶⁶ К.К. Миллер – С.А. Угету, 18-го сентября 1922. – НИА. RPUS. 168-5.

⁶⁷ НИА. Evgeniy Miller Collection. 8-8.

⁶⁸ Абрикосов – Гирсу, 3 января 1922 - LRA. Zemgor.

⁶⁹ Осторожный Е.К. Миллер оценивал суммы, привезенные Подтягиным, в 600.000 франков, оптимистичный Шатилов – в 1 млн. 200 тыс. П.Н. Шатилов – П.Н. Врангелю, 18 июля 1924 - НИА. Vrangeli. 144-27. Л. 1563-1564; Миллер – Врангелю, 16-19 августа 1924 г. - Там же. Л. 1653-1654. Хотя в бумагах Врангеля точная сумма, привезенная Подтягиным не названа, исходя из бюджетных предположений генерала она должна была составлять, по нашей оценке, около миллиона франков.

⁷⁰ Врангель – вел. кн. Николаю Николаевичу, 12 сентября 1924 – Там же. Л. 1685-1686.

⁷¹ НИА. Vrangeli. 146-30. Л. 66-77, приложения на л. 78-91.